

Предисловие

«Что нового ты можешь внести в тему?» — этот вопрос я слышал не раз, пока писал эту книгу. Действительно, после трудов итальянских, американских, польских и прочих ватиканистов, всю жизнь посвятивших изучению католицизма, что нового можно сказать об Иоанне Павле II? Кажется, изучен уже каждый его шаг, озвучена каждая мысль, исследована генеалогия и все, что окружало римского папу. Поскольку Иоанн Павел II большую часть времени находился под объективами телекамер, всякий пользователь интернета может послушать его речи и понаблюдать за ним от начала понтификата и до самого конца.

Однако нельзя не отметить, что практически все биографии римского папы содержат досадные фигуры умолчания, вызванные не столько предвзятостью, сколько особенностями авторского подхода. Так, западноевропейские и американские исследования нередко страдают поверхностным и клишированным представлением о советском блоке вообще и о Народной Польше — в частности. Оно и понятно: ни Вейгел, ни Риккарди, ни Леконт, ни Бернстин с Полити, ни кто-либо из их коллег-соотечественников, при всей добросовестности, не могли оценить все богатство мыслей и чувств поляков того периода, поскольку не жили в социалистическом лагере. Даже интервью с понтификом и его соратниками не изменили такое положение вещей, так как все их ответы воспринимались через призму заранее сформированной картины мира.

Мало получить ответ, надо еще задать правильный вопрос. Это хорошо показал Дуглас Адамс в своей книге «Автостопом по галактике», проиллюстрировав известным примером: жители некой планеты построили самый мощный компьютер в истории, чтобы он открыл им смысл жизни «и всего-всего». Компьютер действительно открыл им тайну бытия: цифра 42. Но что она означает? Этого никто так и не понял.

Вот и западные авторы, при всей их глубокой осведомленности и обширных знаниях по истории католицизма, в сущности на разные лады интерпретиро-

вали это условное «42», когда слышали от польских информаторов о жизни в социалистическом лагере.

С земляками римского папы другая проблема. Они писали свои работы в расчете на поляков, а потому оставляли в стороне многие факты и явления, которые и без того очевидны любому жителю страны, либо, наоборот, слишком подробно останавливались на вещах, которые иностранцу показались бы незначительными. Поэтому, если человек извне вздумает ознакомиться с жизненным путем Иоанна Павла II по польским работам, он может остаться в недоумении: его захлестнет вал незнакомых определений, непонятных характеристик и отрывочных описаний каких-то событий, о которых знает каждый поляк, но вряд ли знает кто-то другой.

Именно эту «серую зону» я и взял на себя смелость заполнить. Моим преимуществом является то, что я родился и живу не в Польше, а потому хорошо вижу, какие вещи обычно ускользают от внимания иностранцев (во всяком случае, россиян), если те берутся рассуждать о родине понтифика. Тем самым, надеюсь, я восполню досадный пробел в русскоязычной библиографии римского папы, а кроме того, перекину мостик от русской души к польской. Полагаю также, что книга будет полезна и полякам: увидев, что именно я объясняю «на пальцах» жителям России, они уяснят, чего россияне не знают о них.

Книга специально написана в легком публицистическом ключе, чтобы не оказаться замураванной в тесных стенах академического сообщества. Однако и ученые-историки, думаю, почерпнут из нее кое-что новое — хотя бы составят представление о влиянии нематериальных факторов на формирование личности. Потустороннее — важная составляющая часть христианского склада ума, и если мы хотим постичь, о чем думал и к чему стремился один из выдающихся деятелей XX века, то вынуждены будем принять во внимание и эту, немодную среди ученых, сторону человеческого существования.

Выражаю признательность Павлу Либере, Петру Глушковскому и профессору Ежи Эйслеру, без которых эта книга никогда бы не увидела свет. Благодарю Александра Владимировича Липатова, Сергея Васильевича Мазова и отца Александра Крысова за терпение и ценные замечания.

Введение

Он родился в эпоху немого кино, а умер в эру мобильных телефонов. За те семьдесят четыре года, что он прожил, на его родине, в Польше, успело смениться три политических строя, каждый из которых отрицал предыдущий. Вторая мировая и холодная войны, возникновение и крах советского блока, сексуальная революция и глобальное потепление — все это прошло перед глазами Кароля Войтылы, принявшего имя Иоанна Павла II.

Папа-поляк: для миллионов соотечественников он стал главным предметом гордости за всю историю. Николай Коперник, Фредерик Шопен, Мария Склодовская-Кюри — даже они померкли рядом с ним, духовным лидером и моральным авторитетом сотен миллионов людей.

Для нас, жителей России, Иоанн Павел II — просто очередной понтифик в Апостольской столице. Мы не задумываемся, к какому народу он принадлежал. Между тем сам себя он воспринимал именно как папу-поляка, неустанно думающего о Польше и взирающего на мир через призму польской истории и культуры. «Я все время на страже, чувствую свою ответственность за то огромное общее наследие, имя которому — Польша, — говорил он, обращаясь к польской молодежи в июне 1983 года. — Это имя нас всех определяет. Это имя нас всех обязывает. Это имя придает нам ценность»¹. Не случайно первую поездку на родину понтифик совершил уже через семь месяцев после своего избрания, а всего за время руководства католической церковью он побывал в Польше восемь раз — чаще, чем где бы то ни было, кроме Италии.

Как показал один из опросов жителей России, проведенный в середине 2000-х годов, наши земляки ассоциировали Польшу прежде всего с тремя женщинами: Эдитой Пьехой, Анной Герман и Барбарой Брыльской². Можно

¹ Воззвание Иоанна Павла II к молодежи на Ясной Гуре 18 июня 1983 г. // Интегрированная база папских текстов ZiBaTePa. URL: <https://bit.ly/34ZOpгO> (дата обращения: 17.09.2016).

² Бухарин Н. И. Российское и польское общество друг о друге // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 93.

предположить, что если бы опрос проводился среди любителей фантастики, к этим именам наверняка добавились бы Анджей Сапковский, Станислав Лем или Яцек Дукай. Люди с широкой эрудицией, должно быть, вспомнили бы также Адама Мицкевича, Тадеуша Костюшко, Анджея Вайду, Романа Поланского, Януша Корчака или Яна Матейко. Следящие за политикой, вероятно, назвали бы фамилии Ярослава Качиньского, Александра Квасьневского, Дональда Туска, очень возможно — Леха Валенсы, а кое-кто — и Войцеха Ярузельского. Представители старшего поколения, скорее всего, не забыли бы упомянуть «Кабачок 13 стульев» с его экзотически звучащими для советского уха обращениями «пан/пани». И конечно, при упоминании знаменитых поляков не обходится без американского политолога Збигнева Бжезинского, который, хотя и покинул Польшу в десятилетнем возрасте, имел безусловно польские корни, а потому причисляется к полякам.

Польша на протяжении тысячи лет занимала важное место в российском сознании. Мы являлись соперниками в этой части Европы, наши столкновения долгое время определяли расстановку сил. Поляки наряду с русскими — наиболее влиятельный в культурном и политическом отношении славянский народ. Недаром у нас одинаковое количество нобелевских лауреатов по литературе, и это при том, что поляков в три с половиной раза меньше, чем русских, а польский, в отличие от русского, отнюдь не входит в число основных языков для номинаций в этой области. Наши судьбы накрепко переплетены, мы так выросли друг в друга, что и не различишь временами, где русское, а где польское. Мало кто в России подозревает, что знаменитые песни «Утомленное солнце», «Синий платочек» и «У самовара» написаны поляками, а в Польше едва ли кто догадается о российских корнях «Прощания славянки». Пленный поляк Фаддей Булгарин привнес в русскую литературу жанр фантастического романа и создал первый в России бестселлер; польский востоковед Осип Сенковский основал первый в нашей стране толстый литературный журнал. Антон Деникин, руководитель Белого движения на юге России, родился в польском Влоцлавеке от матери-польки, которая до конца жизни держалась католичества и предпочитала говорить дома на родном языке. Знаменитая Софья Ковалевская, профессор математики, преподававшая в Стокгольмском университете, по отцу происходила из древнего польского рода Корвин-Круковских. Композитор Дмитрий Шостакович был внуком польского революционера и правнуком повстанца, сосланного в Пермь за участие в восстании 1830 года. Польский был родным языком писателя Юрия Олеши. Наконец, уроженец Польши Моисей Вайнберг написал музыку для фильма «Летят журавли» и популярной серии советских мультфильмов о Винни Пухе.

Без ссыльных поляков немислима этнография Сибири и Дальнего Востока. По сей день одним из лучших сочинений о якутах остается книга Вацлава Серошевского, а единственные звуковые записи языка нивхов начала XX века

дошли до нас благодаря Брониславу Пилсудскому — соратнику Александра Ульянова по «Народной воле», родному брату восстановителя польской независимости Юзефа Пилсудского.

Русская революция и утверждение советского строя тоже непредставимы без поляков. Песня польских социал-демократов «Варшавянка» превратилась в гимн русских подпольщиков, увековеченная в фильме «Юность Максима». Поляк Гриневицкий взорвал Александра II, поляки Дзержинский и Менжинский семнадцать лет возглавляли репрессивные органы советской власти, поляк Вышинский выступал главным обвинителем на московских процессах и занимал пост министра иностранных дел СССР, поляк Рокоссовский стал одним из «маршалов Победы».

Иоанн Павел II, разумеется, не мог остаться в стороне от сложной истории наших взаимоотношений. Как сын польского народа, он, конечно, сталкивался со всеми клише о русских, которые имеют хождение в Польше. А как духовное лицо, был прекрасно осведомлен о застарелых конфликтах между католиками и православными. Поэтому Россия всегда имела для него особое значение. Посетить Москву, достичь согласия с патриархом Московским и всея Руси, закопать ту пропасть, что была вырыта тысячу лет назад между «церквами-сестрами» (так он называл их), — эти мечты он пронес через весь понтификат. Ему не суждено было воплотить их в жизнь, но сам порыв, безусловно, помог растопить лед: не будь Иоанна Павла II, едва ли стала бы возможной встреча патриарха Кирилла и папы Франциска в гаванском аэропорту в 2016 году. Да и совместное обращение русского и польского епископатов с призывом к примирению, сделанное в ходе визита патриарха Кирилла в Польшу в 2012 году, тоже вряд ли увидело бы свет без папы-поляка. Войтыла наверняка обрадовался бы, узнав, что именно российский актер сыграл его в итальянском фильме, повествующем об инструкторе по лыжному спорту, который сопровождал понтифика в его горных путешествиях¹.

«Сколько дивизий у папы римского?» — этот ехидный вопрос Сталина часто цитируют, когда хотят показать преимущество материальной силы над моральной. Ватикан действительно мало что может противопоставить насилию, кроме увещаний и протестов. Почему же тогда с таким вниманием следили в Москве за действиями первосвященников? Почему с римскими папами встречались министры иностранных дел СССР? Почему, наконец, такую тревогу в Москве и Варшаве вызвало избрание папой гражданина Польши? Грубая сила и впрямь эффективна, когда речь идет о немедленной отдаче, но если вы рассчитываете на долгую перспективу, то в дело вступают другие факторы, в том числе такие вроде бы незаметные, как вера и убеждения. В истории Европы не раз

¹ Актер — Алексей Гуськов. Фильм — «Non avere paura. Un' amicizia con Papa Wojtyła» («Он святой, он человек»). Режиссер — Андреа Порпорати.

появлялись деятели, перед которыми трепетал мир: Аттила, Наполеон, Гитлер, Сталин. Созданные ими державы канули в Лету, а Святой престол стоит уже две тысячи лет. Это ясно выразил польский писатель Генрик Сенкевич в заключительных словах романа «Камо грядеши»: «И вот ушел в прошлое Нерон, как проходят ветер, гроза, пожар, война или мор, а базилика Петра на Ватиканском холме доныне царит над Римом и миром»¹.

Конечно, римский первосвященник уже давно не повелевает народами и вождями, как бывало. Но его голос по-прежнему имеет вес — хотя бы как руководителя церковной иерархии и верховного пастыря сотен миллионов католиков, определяющего нормы морали в изменяющемся мире. Подобно библейскому патриарху на заре времен, ему приходится решать, как должен католик относиться к однополым бракам, суррогатному материнству, искусственному оплодотворению, клонированию и массе других вещей, не описанных в Библии. Разумеется, не римский папа толкает вперед цивилизацию, но он, несомненно, влияет на ее развитие, как тот камень из «Морального трактата» польского поэта Чеслава Милоша:

*Когда лавины с гор идут
Пути им камни задают*².

В какой мере Иоанну Павлу II удалось задать направление «лавине», я и постараюсь рассказать на страницах этой книги.

¹ Перевод Е. Лысенко и Е. Рифтиной.

² Перевод мой. — В. Волобуев.

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Три Юзефа	12
Потери	15
Родина	22
Призвание	30
Оккупация	40
Семинария	51
Европа	69
Сталинизм и феноменология	80
Русские и церковь	97
Собор	126
Бог, секс и революция	164
Время до сотворения мира	195
«Друзей ждут проблемы»	225
Солидарность с «Солидарностью»	318
Цивилизация любви	324
Осень народов	372
О дивный новый мир!	425
Божья война	453
Услышьте мой крик!	463
Крестовый поход на запад	478
Переступить порог надежды	521
Евангелие жизни	529
Култ Божий перед лицом масскульта	544
Великий адвент	578
Великое покаяние	591
Война с терроризмом	613
Горизонт темнеет	631
Возвращение к Отцу	654
Заключение	663
Источники и список литературы	671
Именной указатель	677